

ИРВИН ЯЛОМ

КОГДА НИЦШЕ ПЛАКАЛ

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ирвин Ялом. Легендарные книги

Ирвин Дэвид Ялом
Когда Ницше плакал

«ЭКСМО»

1992

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Ялом И.

Когда Ницше плакал / И. Ялом — «Эксмо», 1992 — (Ирвин Ялом. Легендарные книги)

ISBN 978-5-04-245121-8

Одна из лучших книг Ирвина Ялома. Факты и вымысел, страсть и отвращение, обязательства и свобода - драматические события разворачиваются на фоне интеллектуального брожения Вены XIX века, в преддверии зарождения психоанализа. Незаурядный пациент... Талантливый врач, терзаемый мучениями... Тайный договор. Соединение этих элементов порождает незабываемую сагу о будто бы имевших место взаимоотношений величайшего философа Европы (Фридриха Ницше) и одного из отцов-основателей психоанализа (Йозефа Брейера). Ялом втягивает в действие не только Ницше и Брейера, но и русскую красавицу Лу Саломе, одну из пациенток Брейера "Анну О." и молодого медика-интерна Зигмунда Фрейда, создав интеллектуальный роман с захватывающим сюжетом. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-245121-8

© Ялом И., 1992

© Эксмо, 1992

Содержание

Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ирвин Ялом

Когда Ницше плакал

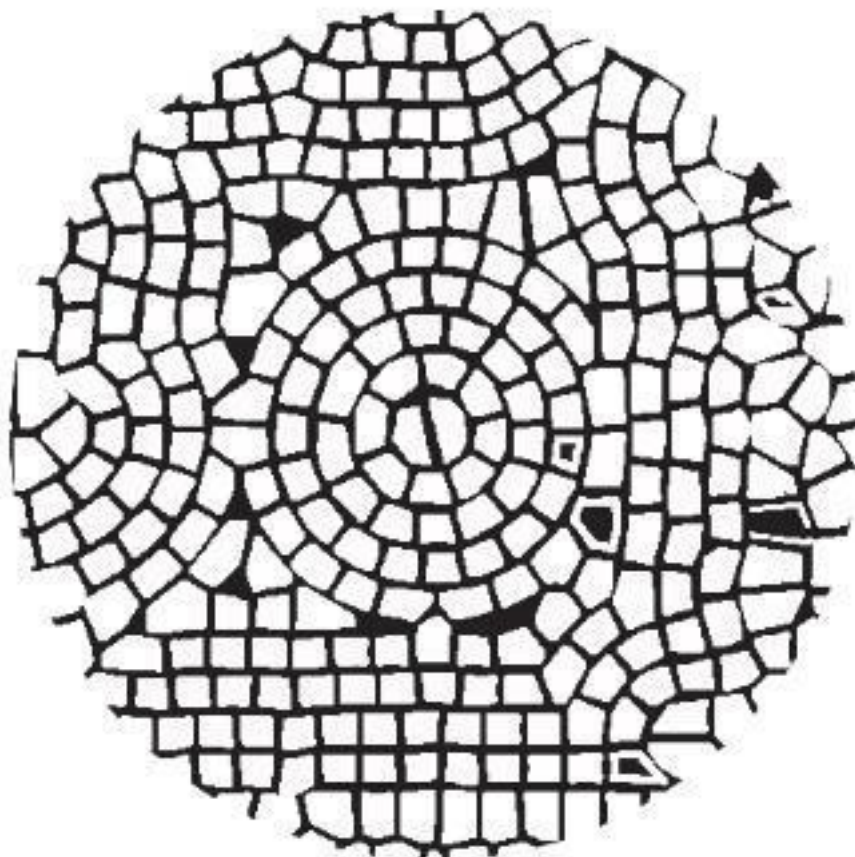
Моим друзьям, которые поддерживали меня все эти годы: Морт, Джей, Херб, Дэвид, Хелен, Джон, Мэри, Сол, Кэти, Ларри, Кэрл, Ролло, Харви, Рутхелен, Стина, Герант, Беа, Марианна, Боб, Пат.

Моей сестре ДЖИН и моему лучшему другу МЭРИЛИН

Некоторые не могут ослабить свои оковы – как не могут и спасти друзей своих.

Ты должен быть готов съесть сам себя: как ты сможешь обновиться, не став сначала пеплом?

«Так говорил Заратустра»

Серия «Ирвин Ялом. Легендарные книги»

Irvin D. Yalom

When Nietzsche Wept

© Irvin D. Yalom, 1992. Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary agency

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

© Будынина М.В., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Глава первая

Перезвон колоколов на Сан-Сальваторе ворвался в раздумья Йозефа Брейера. Он вытащил из жилетного кармана массивные золотые часы. Девять утра. Он снова перечитал маленькую открытку с серебряной каймой, которую получил днем ранее.

21 октября 1882 года

Доктор Брейер,

Мне нужно встретиться с вами по неотложному делу. Будущее немецкой философии под угрозой. Давайте встретимся завтра в девять утра в кафе Сорренто.

ЛУ САЛОМЕ

Какая наглая записка! Уже давно он не помнит такого нахального обращения. Он не знает никакой Лу Саломе. На конверте нет адреса. Невозможно сообщить этому человеку, что ему неудобно встречаться с ним в девять часов, что фрау Брейер не понравится завтракать в одиночестве, что доктор Брейер в отпуске и что его совсем не интересуют «неотложные дела»; ведь в самом деле – доктор Брейер приехал в Венецию именно для того, чтобы *спрятаться* от всех неотложных дел.

Но он был там, в кафе Сорренто, в девять утра и всматривался в лица посетителей, размышляя, кто из них эта дерзкая Лу Саломе¹.

– Еще кофе, сэр?

Брейер кивнул официанту, парнишке лет тринадцати-четырнадцати с влажными, гладко зачесанными назад черными волосами. Сколько же времени он провел в раздумьях? Он опять посмотрел на часы. Потрачено еще десять минут жизни. И на что потрачено? Он, как обычно, мечтал о Берте, красавице Берте, которая была его пациенткой последние два года. Он вспоминал ее дразнящий голос: «Доктор Брейер, почему вы так боитесь меня?» Он вспоминал, как сказал ей, что больше не будет лечить ее, а она тогда ответила: «Я подожду. Вы навсегда останетесь моим единственным мужчиной».

Он оборвал себя: «Прекрати, ради бога! Прекрати думать об этом! Открой глаза! Оглянись вокруг! Вернись в реальность!»

Брейер поднес к губам чашку, наслаждаясь ароматом крепкого кофе и вдыхая полной грудью морозный октябрьский воздух Венеции. Он поднял голову и оглянулся. За остальными столиками кафе завтракали мужчины и женщины, в основном туристы и в основном пожилые. Некоторые в одной руке держали газету, а в другой – чашку кофе. Там, где кончались столики кафе, синевато-стальные голубиные стаи парили в воздухе и пикировали на землю. Неподвижную гладь Большого канала, в мерцании которого отражались прекрасные дворцы, стоящие по обеим его сторонам, нарушала лишь гондола, плывущая у берега. Остальные гондолы еще спали, привязанные к покосившимся столбам, криво торчащим из вод канала, словно копья, небрежно брошенные чьей-то гигантской рукой.

«Да, вот именно, оглянись вокруг, дурачина ты эдакий! – говорил себе Брейер. – Люди приезжают в Венецию со всего мира – люди не хотят умирать, не будучи осененными этой божественной красотой. Сколько я упустил в своей жизни, – думал он, – из-за того, что просто не смотрел? Или смотрел, но не видел?»

¹ Лу (Лея) Саломе – реальный человек. Уроженка Петербурга, она была дочерью русского генерала. Будучи разносторонне образованной и очень талантливой женщиной, она входила в круг знакомых многих европейских знаменитостей. Среди ее поклонников – Ницше, Рильке, Ведекинд, Мартин Бубур, Поль Рэ, Герман Эббингаус, Фердинанд Теннис, Фридрих Пинельс, Пол Бьер, Киктор Тауск. – *Прим. ред.*

Вчера он прогуливался в одиночестве по острову Мурано. Прошел целый час, но он так ничего и не увидел, ничего не заметил. Ни один образ не перешел с его сетчатки в зрительный центр мозга. Все его внимание поглощали мысли о Берте: ее обманчивая улыбка, обожание, светящееся в ее глазах, тепло ее доверчивого тела, ее учащенное дыхание, которое он слышал, когда осматривал ее или делал ей массаж. Эти образы обладали силой и жили своей собственной жизнью: стоило ему потерять бдительность, как они заполняли его мозг и узурпировали власть над воображением. «Неужели таков мой вечный удел? – думал он. – Неужели мне суждено быть лишь сценой, на которой разыгрывается нескончаемая драма воспоминаний о Берте?»

Кто-то поднялся из-за соседнего столика. Резкий скрежет металлических ножек стула по кирпичу заставил его поднять голову, и он еще раз огляделся в поисках Лу Саломе.

А вот и она! Женщина, идущая по Рива дель Карбон и входящая в кафе. Только она могла написать эту записку, эта красивая женщина, высокая и стройная, закутанная в меха, властно шагающая прямо к нему, минуя стоящие вплотную столики. Когда она подошла ближе, Брейер увидел, что она была очень молода, кажется, еще моложе Берты, может быть, школьница. Но этот властный облик – это что-то невероятное! Она далеко пойдет!

Лу Саломе направлялась прямо к нему без тени сомнения. Как она могла быть настолько уверена, что ей нужен именно он? Он поднял руку и поспешно отряхнул свою рыжеватую бороду, в которой могли запутаться крошки булочки, которую он ел на завтрак. Его правая рука одернула полу черного пиджака, чтобы он не топорщился вокруг шеи. Когда между ними осталось несколько шагов, она на мгновение остановилась и смело посмотрела в его глаза.

В этот момент Брейер перестал думать обо всем. *Теперь* для того, чтобы смотреть, ему не нужно было сосредоточиваться. *Теперь* сетчатка и зрительный центр функционировали просто замечательно, не мешая образу Лу Саломе свободно проникать в его мозг. Она была женщиной необычайной красоты: высокий лоб, сильный, хорошо очерченный подбородок, яркие синие глаза, полные чувственные губы и небрежно расчесанные, отливающие серебром светлые волосы, собранные в сентиментальный высокий пучок, открывающий уши и длинную изящную шею. Особенно ему понравилось то, что некоторые пряди выбились из прически и беспорядочно торчали в разные стороны.

Еще три шага, и она стояла у его стола. «Доктор Брейер, я Лу Саломе. Можно?» – Она показала на стул и села так быстро, что Брейер даже не успел оказать ей должный прием: встать, поклониться, поцеловать руку или предложить стул.

«Официант! Официант! – Брейер щелкнул пальцами. – Кофе для леди. Caffe latte?» Он взглянул на фройлен Саломе.

Она кивнула и, несмотря на утренний морозец, сняла свои меха: «Да, caffe latte».

Брейер и его гостя мгновение сидели молча. Затем Лу Саломе посмотрела ему прямо в глаза и произнесла: «Мой друг в отчаянии. Боюсь, он может убить себя в самое ближайшее время. Для меня это будет не только огромной потерей, но и сильнейшей личной трагедией, так как я в некоторой степени несу за это ответственность. Я могу вынести это, справиться с этим. Но, – она наклонилась к нему, и ее голос стал мягче, – эта потеря станет потерей не только для меня: смерть этого человека будет иметь самые серьезные последствия – это отразится на вас, на европейской культуре, на всех нас. Поверьте мне».

«Фройлен, вы, конечно же, преувеличиваете, – начал было говорить Брейер, но не смог произнести ни слова. Если бы перед ним сидела другая женщина, все это казалось бы подростковым максимализмом, но сейчас все было иначе, и слова эти стоило принять в расчет. Перед ее искренностью, перед исходящей от нее убежденностью нельзя было устоять. – Кто этот человек, ваш друг? Я знаю его?»

«Пока нет! Но в свое время мы все узнаем его. Его зовут Фридрих Ницше. Может быть, письмо Рихарда Вагнера, адресованное профессору Ницше, сможет послужить рекомендацией

для него. – Она достала письмо из сумочки, развернула его и протянула Брейеру: – Должна вам сказать, что Ницше не знает ни о том, что я здесь, ни о том, что это письмо у меня».

Последняя фраза фройлен Саломе заставила Брейера задуматься. «Следует ли мне читать это письмо? Этот профессор Ницше не знает, что она показывает его мне – он даже не знает, что это письмо у нее!»

Брейер гордился многими своими качествами. Он был лоялен и благороден. Его диагностический талант стал легендой: в Вене он был личным терапевтом таких великих ученых, художников и философов, как Брамс, Брюккк и Brentano. Ему было всего лишь сорок, а его имя гремело по всей Европе, и именитые люди Запада преодолевали долгий путь для того, чтобы получить его консультацию. Но более всего он гордился своей *честностью*: ни разу в жизни он не совершил ни одного нелицеприятного поступка. Он достоин порицания лишь за плотские мысли о Берте, которые должны были достаться его жене, Матильде.

Так что он сомневался, стоит ли брать письмо из протянутой руки Лу Саломе. Но лишь мгновение. Еще один взгляд в ее чистейшие синие глаза – и он взял письмо. Оно было датировано 10 января 1872 и начиналось со слов «Мой друг Фридрих». Некоторые параграфы были обведены.

Вы подарили миру несравненную книгу. В ней звучит та абсолютная убежденность, которая говорит об истинной оригинальности. Как бы еще мы с женой смогли осознать, что же было самой горячей мечтой всей нашей жизни. А заключалась эта мечта в том, что в один прекрасный день придет кто-то извне и получит полную власть над нашими сердцами и душами! Каждый из нас прочитал эту книгу дважды: один раз днем, в одиночестве, а потом вслух вечером. Мы просто дрались за обладание единственным экземпляром и очень жалеем, что так и не получили обещанную вторую копию.

Но ты болен! И ты сломлен? Если это так, с какой радостью я сделал бы что-нибудь, что смогло бы разрушить чары безнадежности! С чего мне начать? Мне ничего не остается, кроме как расточать признания в своем безоговорочном восхищении тобой.

Прими, по крайней мере, мое послание с дружеским расположением, хотя это и не принесет тебе удовлетворения.

С наилучшими пожеланиями твой РИХАРД ВАГНЕР

Рихард Вагнер! При всей своей венской светскости, будучи хорошим знакомым этого величайшего человека своего времени, Брейер был ошеломлен. Письмо – и какое письмо! – написанное рукой гения! Но он быстро взял себя в руки.

«Очень интересно, моя милая фройлен, но теперь, будьте так добры, скажите мне, что именно я могу для Вас сделать?»

Снова наклонившись вперед, Лу Саломе легонько накрыла своей затянутой в перчатку рукой руку Брейера: «Ницше болен. Очень болен. Ему нужна ваша помощь».

«Но что у него за болезнь? Каковы ее симптомы?» Брейер, разгоряченный прикосновением ее руки, был рад получить возможность сесть на своего любимого конька.

«Головные боли. Самое главное – мучительные головные боли. Длительные приступы тошноты. Угроза слепоты – его зрение постепенно ухудшается. И проблемы с желудком – иногда он не может есть несколько дней. И бессонница – ни одно лекарство не может подарить ему сон, поэтому он принимает опасные дозы обезболивающего. И головокружения – иногда у него начиналась морская болезнь на твердой почве, и это продолжается несколько дней».

Брейер не первый раз слышал длинные списки симптомов, и это не представляло для него особого интереса, ведь каждый день через его руки проходило от двадцати пяти до тридцати пациентов, и в Венецию он приехал именно для того, чтобы отдохнуть от всего этого. Но Лу

Саломе была так настойчива, что он чувствовал себя обязанным отнестись к этому случаю более внимательно.

«На ваш вопрос я могу дать лишь один ответ: да, *конечно*, я осмотрю вашего друга. Это само собой разумеется. Я же, в конце концов, терапевт. Но, пожалуйста, позвольте теперь *мне* задать вопрос. Почему ваш друг не связался со мной напрямую? Почему он просто не отправил запрос о консультации в мой офис в Вене?» – сказав это, Брейер оглянулся по сторонам в поисках официанта, чтобы попросить его принести счет, думая о том, как рада будет Матильда его скорому возвращению в отель.

Но отделаться от этой дерзкой женщины было не так-то просто. «Доктор Брейер, будьте добры, уделите мне еще несколько минут. Я не могу преувеличивать серьезность состояния Ницше, глубину его отчаяния».

«В этом я не сомневаюсь. Но я повторяю свой вопрос, фройлен Саломе: почему ваш друг не пришел на консультацию в мой венский офис? Или не посетил терапевта в Италии? Откуда он родом? Хотите, я дам ему направление к терапевту в его родном городе? И почему *именно я*? Кстати, как вы узнали, что я в Венеции? И что я покровительствую опере и восхищаюсь Вагнером?»

Лу Саломе невозмутимо улыбалась, пока Брейер забрасывал ее вопросами. Эта улыбка становилась все более озорной, пока Брейер вел свой обстрел.

«Фройлен, вы улыбаетесь так, словно что-то скрываете от меня. Полагаю, такая юная леди, как вы, должна любить тайны!»

«Как много вопросов, доктор Брейер. Удивительно: мы разговариваем всего несколько минут, а возникло столько сложных вопросов. Это – верный повод для дальнейшего дискутирования. Давайте я расскажу вам поподробнее о нашем пациенте».

О *нашем* пациенте! Пока Брейер продолжал восхищаться ее смелостью, Лу Саломе продолжала: «Ницше исчерпал медицинские возможности Германии, Швейцарии и Италии. Ни один терапевт не смог понять, что с ним, или облегчить страдания. Он говорит, что за последние двадцать четыре месяца он встретился с двадцатью четырьмя лучшими терапевтами Европы. Он покинул свой дом, покинул своих друзей, отказался от профессорского звания в институте. Он стал странником в поисках климата, который он мог бы вынести, в поисках одного или двух дней без боли».

Молодая женщина замолчала, чтобы отхлебнуть кофе, продолжая пристально смотреть на Брейера.

«Фройлен, я практикующий консультант и в своей практике я часто встречался с пациентами, чье состояние было нетипичным или непонятным. Но давайте говорить начистоту: я не умею творить чудеса. В ситуации, подобной описанной вами, – слепота, головные боли, бессонница, головокружение, гастрит, слабость, – когда пациент уже консультировался с множеством великолепных терапевтов и этого оказалось недостаточно, маловероятно, что я смогу стать больше, чем очередным высокопоставленным терапевтом».

Брейер откинулся на стуле, достал сигару и закурил ее. Он выпустил тонкую голубую струйку дыма, подождал, пока он рассеется, и продолжил: «Однако, как бы то ни было, я предлагаю даже обследовать герра профессора Ницше в моем офисе. Но вполне может оказаться, что причина его болезни, которая кажется столь трудноизлечимой, и лекарство для ее лечения могут выходить за пределы возможностей медицины как науки образца 1882 года. Возможно, ваш друг родился на несколько поколений раньше, чем следовало бы».

«Родился на несколько поколений раньше! – засмеялась она. – Какое точное замечание, доктор Брейер. Как часто я слышала, как Ницше бурчит под нос именно эту фразу. Теперь я уверена, что именно вы должны стать его терапевтом».

Доктор Брейер собирался уходить, а перед его глазами стоял образ Матильды, полностью одетой и нетерпеливо меряющей шагами гостиничный номер, но эта фраза вызвала его интерес: «Почему?»

«Он часто называет себя «посмертным философом» – философом, которого мир еще не готов принять. И новая книга, которую он сейчас вынашивает, начинается именно с этой темы: философ, Заратустра, преисполненный мудростью, решает просветить людей. Но никто не понимает его слов. Они не готовы к его появлению, и пророк, понимая, что пришел слишком рано, возвращается в свое уединение».

«Фройлен, вы меня заинтриговали – я страстный поклонник философии. Но сегодня я располагаю лишь ограниченным количеством времени, которого как раз хватит мне на то, чтобы услышать от вас прямой ответ на вопрос, почему ваш друг не может записаться ко мне на консультацию в Вене».

«Доктор Брейер, – Лу Саломе взглянула прямо в его глаза, – простите меня за неконкретность. Наверное, я слишком часто говорю обиняками. Мне всегда нравилось наслаждаться обществом великих умов мира сего, может, мне просто нравится коллекционировать их. Но я точно знаю, что я обладаю привилегией на общение с человеком вашего уровня, таким глубоким, как вы».

Брейер почувствовал, как его заливают краска гордости. Он больше не мог выдерживать ее взгляд и отвел глаза, как только она продолжила говорить:

«Я хочу сказать, моя вина в том, что я постоянно хожу вокруг да около только для того, чтобы провести с вами больше времени».

«Еще кофе, фройлен? – Брейер подал знак официанту: – И еще этих забавных круглых булочек. Вы когда-нибудь замечали разницу между немецкой и итальянской выпечкой? Позвольте мне изложить вам мою теорию о взаимосвязи хлеба и национального характера».

Итак, Брейер не спешил возвращаться к Матильде. Неспешно завтракая с Лу Саломе, он размышлял над иронией ситуации, в которой ему довелось оказаться. Удивительно: он приехал в Венецию, чтобы залечить раны, нанесенные прекрасной женщиной, а сейчас он сидит tête-à-tête с другой женщиной, еще более прекрасной. Он также отметил, что впервые за много месяцев одержимость Бертой покинула его разум.

«Похоже, – думал он, – я еще могу надеяться. Возможно, я могу воспользоваться этой женщиной для того, чтобы вытеснить из своей головы мысли о Берте. Не открыл ли я психологический эквивалент фармакологической терапии замещения? Легкое, неопасное лекарство вроде валерианы может заменить более опасное. Точно так же, может, замена Берты на Лу Саломе окажет благотворное воздействие! В конце концов, эта женщина более утонченная, более разумная. Берта – как бы это сказать? – предсексуальна, это несостоявшаяся женщина, ребенок, неуклюже ворочающийся в женском теле».

При этом Брейер понимал, что именно предсексуальная невинность Берты влекла его к ней. Обе женщины восхищали его: мысли о них согревали его чресла. И обе женщины пугали его: каждая несла в себе опасность, каждая по-своему. Лу Саломе пугала его своей силой, тем, что она могла сделать с ним. Берта пугала его своим подчинением, тем, что он мог сделать с ней. Он трепетал при мысли о том, как рисковал с Бертой, как близко он подошел к тому, чтобы поправить основополагающее правило врачебной этики, разрушить себя, свою семью, всю свою жизнь.

Тем временем он был полностью поглощен разговором и совершенно очарован этой молодой особой, которая составляла ему компанию во время завтрака, так что в конце концов именно она, а не он, вернулась к теме болезни ее друга, а именно – к замечанию Брейера о чудесах медицины.

«Мне двадцать один год, доктор Брейер, и я больше не верю в чудеса. Я прекрасно понимаю, что безуспешность усилий двадцати четырех прекрасных терапевтов может свидетельствовать только о том, что этим современное медицинское знание ограничивается. Но не поймите меня неправильно! Я не тешу себя иллюзиями о том, что вы можете улучшить состояние здоровья Ницше. Не это заставило меня обратиться к вам за помощью».

Брейер поставил чашку с кофе на стол и промокнул усы и бороду салфеткой. «Простите, фройлен, но теперь я совсем ничего не понимаю. Вы начали – разве не так? – с того, что сообщили мне о том, что моя помощь нужна вам для друга, который очень болен».

«Нет, доктор Брейер, я сказала, что мой друг в *отчаянии*, что существует серьезная опасность того, что он может наложить на себя руки. И именно *отчаяние* профессора Ницше, а не его *тело*, я прошу вас вылечить».

«Но, фройлен, если физическое здоровье вашего друга приводит его в отчаяние, а у меня нет для него никаких медицинских средств, что мы можем сделать? Я не могу помочь душой больному».

Брейер заметил, что Лу Саломе кивнула, показывая, что узнала слова врача Макбета, и продолжил: «Фройлен Саломе, не существует лекарства от отчаяния, нет докторов для души. Я могу лишь порекомендовать один или несколько прекрасных лечебных курортов с минеральными источниками в Австрии или Италии. Или, может быть, обратиться к священнику или кому-либо еще, связанному с религией, к родственнику или, скажем, хорошему другу».

«Доктор Брейер, я знаю, вы можете больше. У меня есть шпион. Это мой брат Женя, он изучает медицину, и он посещал вашу клинику в начале этого года в Вене».

Женя Саломе! Брейер силился вспомнить это имя. Студентов было слишком много.

«От него я узнала, что вы любите Вагнера, что эту неделю вы будете в отпуске и проведете его в Венеции, в отеле «Амали», и как вы выглядите. Но, что самое важное, от него я узнала, что вы самый настоящий лекарь отчаяния. Прошлым летом он посетил неофициальную конференцию, во время которой вы рассказывали о том, как лечили молодую женщину, по имени Анна О., – женщину, которая была в отчаянии и которую вы вылечили при помощи новой техники, «лечения словом», – терапии, основанной на разуме, на распутывании сложных психических связей. Женя говорит, что вы единственный терапевт в Европе, который может предложить самое настоящее психологическое лечение».

Анна О.! Услышав это имя, Брейер вздрогнул и пролил кофе из чашки, которую он подносил к губам. Он вытер руки салфеткой, надеясь, что фройлен Саломе ничего не заметила. Анна О., Анна О.! Это невероятно! Куда ни глянь, везде он наткнулся на Анну О. – тайное кодовое имя для Берты Паппенгейм. Преувеличенно осторожный, Брейер никогда не называл имена своих пациентов, обсуждая их со студентами. Вместо настоящего имени он использовал псевдоним, который состоял из букв, предшествующих в алфавите инициалам пациента. Так, Б.П. (Берта Паппенгейм) превратилась в А. О., или Анну О.

«Вы произвели на Женю неотразимое впечатление, доктор Брейер. Говоря о вашей учебной конференции и лечении Анны О., он заметил, что ему досталась великая честь – находиться в свете сияния гения. Знаете, Женя не такой уж впечатлительный парень. Я никогда раньше не слышала, чтобы он говорил так. Тогда я поняла, что однажды я должна встретиться с вами, познакомиться с вами, может быть, учиться у вас. Но мое «однажды» приобрело более четкие очертания, когда за последние два месяца состояние Ницше ухудшилось».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.